

Новості Закавказья № 30.

Ежедневная общественно-политическая и литературная газета.

СЕГОДНЯ ЮБИЛЕЙ

НАРОДНОГО ПОЭТА

Акакія Церетели.

ТЕАТРЪ
MOULIN ELECTRIQUE
ЭЛЕКТРИКЪ.
 Михайловскій просп., противъ юнкерскаго училища.

СЕГОДНЯ НЕОБЫКНОВЕННАЯ ПРОГРАММА.

ВЕРХЪ КОМИЗМА:
 „Шутка комиссара“, „Кандидатъ въ Мариенбадъ“, „Мужья дуэлянты“ и другіе.

Примѣчаніе: лица, которымъ вредно много смѣяться, не совѣтуемъ посѣщать эти сеансы, такъ какъ дирекція слагаетъ съ себя отвѣтственность за вредныя послѣд. гомерическ. смѣха.

Дирекція.

Къ этому № прилагается особое прибавленіе.
 Цѣна номера въ продажѣ въ Тифлисѣ и въ провинціи **5 копеекъ.**

Открыта подписка на 1909-й годъ на ежедневную безпартійную общественно-политическую и литературную газету „**Новості Закавказья**“.

Въ газетѣ принимаютъ участіе многи изъ лучшихъ мѣстныхъ силъ. Имѣются корреспонденты по всѣмъ угламъ Закавказья, а также въ Централь Россіи и Европѣ.

Съ скоромъ времени форматъ газеты будетъ увеличенъ, а пока газета будетъ выходить съ „особыми приложеніями“.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: въ Тифлисѣ за годъ — 5 р., помѣсячно — 75 к.
 въ провинціи — 8 „ „ — 75 „

Лица, подписывающіеся теперь же на годъ, или на полъ-года за декабрь мѣсяцъ газету получаютъ бесплатно.

ПЛАТА ЗА ОБЪЯВЛЕНІЯ: за мѣсто, занимаемое строкой петита передъ текстомъ — 10 коп. послѣ текста — 5 коп. За объявленія въ справочномъ отдѣлѣ — 8 к. строка въ отдѣлѣ „Стороннее сообщеніе“ — 10 коп. строка.

Адресъ конторы и редакціи: ЭРIVАНСКАЯ ПЛОЩ. д. Кредитн. Общ. (общій подъѣздъ съ Торг. Д. Нейшеллеръ).

Редакторъ принимаетъ ежедневно только отъ 2—3 часовъ дня.

Редакторъ П. Готуа.

Объявленіе.
 ПРАВЛЕНІЕ ВОЛЖСКО-КАМСКАГО КОМ-
 МЕРЧЕСКАГО БАНКА

доподить до общаго свѣдѣнія, что, съ разрѣшенія г. Министра Финансовъ, имъ ОТКРЫВАЕТСЯ ВЪ ТИФЛИСѢ ОТДѢЛЕНІЕ БАНКА, которое будетъ производить всѣ разрѣшенныя уставомъ банка операціи, начиная съ 10-го сего декабря.

1—1

Сост. въ вѣд. М-ва Народнаго Просвѣщенія
 7-ми КЛАССНОЕ ЧАСТНОЕ УЧЕБНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ 1-ГО РАЗРЯДА
ЛЕВАНДОВСКИХЪ
 ТИФЛИСЪ, Анастасіевская, 14. Телеф. 804.

Съ 8 по 20 дек. будетъ производиться повѣрка развитія и званій дѣтей, вновь поступающихъ съ 1 января 1909г. Имѣются вакансіи: во II кл. — 5, въ I кл. — 1, въ старш. приг. — 2 и въ отдѣленіяхъ младш. пригот. и дошкольнаго классовъ (Дѣтскій садъ). Въ нѣкоторыхъ классахъ будутъ открыты 2-мя отдѣленія съ курсомъ съ 1 янв. 1909 г. 4—2

СИНЕМО-ТЕАТРЪ
БР. РИЧЧИ и Ко.
 Михайловскій проспектъ, собственное помѣщеніе, № 91.

1. **Вандѣецъ**
 Роскошная драма съ виражемъ.

2. а) Желѣзные рудники въ Кируно
 Въ высшей степени научная и очень интересная картина.
 б) Волшебное серсо или
 Магическая сила обруча
 Изъ области фантази. Очень интересная картина по своему удачному исполненію.

4. **Прислуга акробатовъ**
 Неподдѣльный здоровый смѣхъ. Сплошной юморъ.
 ПОДРОБНОСТИ ВЪ ПРОГРАММАХЪ.

7-го ДЕКАБРЯ 1908 года
ЮБИЛЕЙ
 50-лѣт. литер. дѣятельности
 ПОЭТА
Акакія Церетели.

I.
 1) Утромъ въ 10 ч. на квартирѣ кн. Акакія Церетели соберутся избранные по читатели поэта и въ сопровожденіи ихъ въ 10^{1/2} ч. юбиларъ поѣдетъ въ Сіонскій соборъ, гдѣ будетъ отслуженъ молебенъ.
 2) По окончаніи молебна юбиларъ возвращается въ казенный театръ.
 3) Въ 12 ч. дѣя юбиларъ на сценѣ казеннаго театра будетъ принимать поздравленія депутаціи. Дневное чествованіе закончится въ 4 ч. дня словомъ юбилара кн. Акакія Церетели.

II.
 Вечеромъ въ 8^{1/2} ч. въ казенномъ театрѣ состоится юбилейный спектакль. Будутъ поставлены: 1) второе дѣйствіе изъ др. кн. А. Церетели „ТАМАРЪ-ЦЫГЕРИ“, 2) второе дѣйствіе изъ его же драмы „ПАТАРА-КАХИ“ и 3) живая картина — апофеозъ. Депутаціи, неусѣбшія поздравить юбилара днемъ, будутъ поздравлять его вечеромъ между первымъ и вторымъ отдѣленіями программы спектакля.

Билеты для входа въ казенный театръ какъ на утро, такъ и на вечеръ продаются въ обществѣ грамотности (Дворцовая, д. Дворянства). 1—1

ЦИРКЪ БР. НИКИТИНЫХЪ

Въ воскресенье 7 декабря 1908 г. дано будетъ
ВТОРОЕ ПРАЗДНИЧНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНІЕ

Труппою первоклассныхъ артистовъ и артистокъ прибывшихъ въ 1-й разъ въ Тифлисъ Представленіе въ 3-хъ отдѣленіяхъ. Въ заключеніе поставленъ будетъ
большой багетъ,
 состоящій изъ 24-хъ балеринъ. Начало въ 8^{1/2} час. вечера.

Докторъ
П. А. Ардазіани.
 Михайловская, № 133, уголъ Садовой ул.
 Приемъ отъ 9—1 ч. дня и отъ 4—8 ч. веч.

ДОКТОРЪ
В. С. Мухеловъ
 принимаетъ глазныхъ больныхъ ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 9—11^{1/2} час. утра. Лечение трахомы лучами радія. Подѣздъ съ Великокняжеской улицы.

Во время демонстраціи картинъ
 играетъ
 струнный оркестръ.
 ПРОГРАММА НА СЕГОДНЯ.

3. **ШАРЛОТТА КОРДЕ**
 Большая историческая картина изъ времени великой французской революціи 1790 года.

Тифлисъ, 7 декабря 1908 г.

Благодарный грузинскій народъ сегодня вѣнчаетъ славою безсмертія своего любимаго поэта Акакія Церетели

Есть что-то торжественное и могучее въ этомъ празднествѣ народа безъ пышной обстановки золотомъ шитой аристократіи, безъ барабанныхъ боевъ и бряцанія оружія.

Вездѣ сегодня отъ края и до края съ радостнымъ бѣшеніемъ сердца и гордостью произносится имя лауреата народа. въ честь него льется вино, радуются пѣсни, и всѣ чувствуютъ, что на ихъ плечахъ нѣтъ свинцовой плиты, гнетущей власти.

Поль-вѣка тому назадъ, сошедши словно съ неба, когда у насъ царилъ мракъ съ поворнымъ рабствомъ, когда въ литера-

турѣ сытые вельможи воспѣвали вино, женщины и въ напыщенныхъ одахъ прославляли блескъ оружія, вдругъ среди этой барабанной поэзіи невѣдомый поэтъ вапѣль и пѣсны его была ясна...

Онъ пѣлъ о равенствѣ, свободѣ, братствѣ и сладостные звуки его арфы небесною благовѣстью проникли въ хижину бѣдняка.

Какъ всякій пророкъ, поэтъ проповѣдывалъ простую истину, что и рабъ человѣкъ.

Народъ, притаявъ дыханіе, слушалъ вѣщаго поэта.

Да, поэтъ утѣшитель плѣннаго народа, онъ приноситъ ему небесную вѣсть въ тягостные дни!

Забитый, приниженный, онъ при этой вѣсти заволновался, просіялъ.

А онъ, новый пришелецъ, говорилъ просто съ сердцами сердцемъ, народъ его понималъ, ему аллоцировалъ.

Встрѣтивъ сильную оппозицію со стороны вліятельныхъ феодаловъ, грозившихъ сѣблному пѣвцу народныхъ правъ чуть не убійствомъ, поэтъ направилъ въ нихъ свое грозное оружіе — иронию.

Острія его стрѣлы были начинены особымъ, акакіевскимъ ядомъ, секретъ приготовления котораго только ему врученъ Всевышнимъ.

Жало его насѣшки наносило смертельные удары въ рядахъ крѣпостниковъ и никто изъ нихъ не думалъ отвѣчать поэту, они обращались въ бѣгство.

Съ этого времени поэтъ дѣлается по истинѣ Геремею своего народа.

Онъ то рыдаетъ на развалинахъ былой славы и не находитъ въ настоящемъ утѣшенія, обращается къ исторіи и въ стихахъ, полныхъ граціи и изящества рисуетъ герою за героями, положившихъ головы за любовь къ отчизнѣ, за вѣру.

Великодушны и трогательны его древнія грузинскія женщины-мученицы, цѣлою вереницею идущія въ далекую Персію, чтобы быть тамъ заживо сожженными на кострахъ, но не измѣнявшія вѣрѣ и долгу.

То подобно пчелѣ изъ тысячи пѣвцовъ онъ собираетъ нектаръ, изъ котораго потомъ приготавливаетъ свои соты и медъ.

То онъ удаляется отъ земныхъ дѣлъ въ дивный храмъ природы, въ чистое искусство, въ міръ грезъ и красоты, и тогда онъ словно влетаетъ въ высь и льетъ трели въ облакахъ.

Въ этой сферѣ онъ дивеетъ и не доступенъ.

Чувствуешь только трепетъ крыльевъ его генія и кажется, что поэтическіе образы и сновидѣнія родины рѣются надъ его взыннымъ и подвижнымъ духомъ.

Чародѣй слова, онъ умѣетъ воспламенить бойца къ битвѣ и убивать смѣхомъ пошляка.

Когда поэтъ овладѣваетъ негодованіемъ, онъ превращается въ громъ и молнію, очищающіе и освѣжающіе воздухъ отъ сирады и духоты.

Таковъ поэтъ Акакія.

Энтузіазмъ къ нему объясняется тѣмъ, что лауреатъ народа всегда былъ *поэтомъ бѣдныхъ* и никогда его лира не забавляла богатей.

Онъ былъ зачатникомъ правъ гражданна и низы земледѣльца.

И вотъ благодарный его народъ за тотъ дождь бриллиантовъ, который лилъ поэтъ на его голову въ продолженіе пяти-

десяти лѣтъ, съ ликованиемъ ведетъ его сегодня въ древній Споскій храмъ. Пантеонъ своей славы, чтобы, помолвившись тамъ въстать съ нимъ, надѣтъ на голову помазанника вѣнецъ безсмертія.

А онъ, сіяющій въ лучахъ славы, съ вѣчною улыбкою на устахъ, будетъ благославлять свой народъ!

Гордись поэтъ! у ногъ своихъ сегодня ты увидишь жителей горъ и долинъ твоей прекрасной родины и очарованныхъ твоимъ гениемъ людей востока и сѣвера.

Б.

Акакій о національномъ вопросѣ.

Когда Ю. Н. Милютинъ, бывшій редакторъ официальной газеты „Кавказъ“ рѣшилъ вовсе покинуть Грузію, къ которой онъ искренно расположенъ и по сей день, всѣ его почитатели пожелали проявить къ нему симпатію и привязательность, устрой ему банкетъ въ залѣ гост. „Лондонъ“.

Банкетъ отличался многолюдствомъ. Тутъ были почти всѣ мѣстные журналисты, литераторы и общественные дѣятели.

Это было въ то время, когда впрочемъ не было видно просвѣта, когда тяжелая рука голицынскаго режима давила все живое, все, рвущееся къ жизненной правдѣ и свѣту.

Словомъ, это было то суровое время, когда въ сферахъ печатнаго слова и внѣ его громче всѣхъ раздавался голосъ В. Величко, замѣчливаго Ю. Н. Милютина и возстановившаго противъ себя всѣ прогрессивные элементы нашего края.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что на банкетъ явились въ значительномъ числѣ мѣстные прогрессисты, придавая банкету, такимъ образомъ, нѣсколько демонстративный характеръ.

Въ то ужасное время даже нѣкоторые октябристы казались радикалами и слыли въ сферахъ крамольниками.

Тѣмъ болѣе, что личность почтеннаго Юрія Николаевича—сегодняшняго лидера октябристской партіи—всѣмъ импонировала своею всегдашнею корректностью и толерантностью.

Репутація его, какъ руководителя газеты, особенно отличалась тѣмъ, что онъ умѣлъ находить себѣ подходящихъ сотрудниковъ.

Достаточно вспомнить, что правой рукой его былъ В. Н. Черкезовъ, выпѣшнй городской голова, всѣмъ уважаемый и любимый, а фельетонистомъ—незабвенный и талантливый Иліко Хонели (Бахтадзе).

На этотъ-то банкетъ былъ приглашенъ и нашъ маститый юбиляръ Акакій Церетели, который, кстати сказать окончательно разошелся тогда съ В. Д. Величко и выступилъ печально противъ какъ только замѣтилъ, что онъ склоняется въ сторону всякаго рода „фобства“ и несмотря на то, что ихъ связывало давнишнее знакомство въ Петербургѣ, покойный Вели-

ко искалъ дружбы его, переводилъ его стихотворенія и пр.

Скорѣ наступившія „событія“ во-очію доказали всѣмъ безпристрастнымъ, что Акакій оказался настоящимъ провидцемъ.

Такъ вотъ на этотъ банкетъ, какъ водится, говорились рѣчи, провозглашались многозначительные тосты. Отовсюду слышались острые замѣчанія. Покойные В. Пахомовъ и А. Иоанисiani веселили своимъ неистощимымъ остроуміемъ собрание.

Попросилъ слово Акакій.

Все смолкло...

И поэтъ началъ говорить медленно, подчеркивая нѣкоторыя наиболѣе сильныя мѣста рѣчи.

Оглушительный взрывъ аплодисментовъ раздался тотчасъ, какъ только закончилъ послѣднюю фразу.

Всѣ почувствовали какое-то облегченіе, моральное успокоеніе.

Эту-то рѣчь, ненапечатанную по условіямъ, въ которыхъ была поставлена тогда печать, мы и считаемъ необходимымъ привести сегодня.

Рѣчь эта интересна въ томъ отношеніи, что выражаетъ взглядъ большинства грузинъ на національный вопросъ.

Этотъ взглядъ не отличается агрессивностью, алармизмомъ онъ только ясно указываетъ и арчаему и слѣбову, что каменисамоцѣвъ не долженъ „быть“ превращенъ въ „булжнникъ“.

Г. Д.

Мысли вслухъ.

Акакій Ростомовичъ Церетели поэтъ-гражданинъ.

Есть писатели, которые, независимо отъ мѣста, національности и значенія ихъ въ исторіи литературы, остаются всегда близкими и дорогими душѣ читателя, и помнитъ о которыхъ не только не бываетъ лишнимъ, но на оборотъ является полною необходимостью. Это—писатели, бодро возущіе человѣчество впередъ, къ идеаламъ свѣта, истинны и свободы, проповѣдующіе въ своихъ произведеніяхъ добро, любовь и справедливость. Къ числу такихъ писателей принадлежатъ и Акакій Церетели къ сожалѣнію, мало извѣстный русской читающей публикѣ. Столь рѣдкій литературный юбилей для всѣхъ насъ журналистовъ и литераторовъ, безъ различія національностей, является особенно дорогимъ въ нынѣшнѣе, переживаемое нами время полнаго литературнаго распада и измѣдлившія писателей идеологовъ...

Поэтъ-лирикъ чистой пробы, Акакій Церетели въ то же время и пѣвецъ гражданской „мести и печали“. И поэтъ-гражданинъ сталъ формироваться въ Акакіи Церетели уже съ первыхъ же шаговъ его вступленія на литературное поприще. Такими и остается онъ и по настоящій день.

Привѣтствуя маститаго юбиляра въ сегодняшній день, какъ русскій журналистъ,

Привѣтъ великому поэту.

Въ тотъ моментъ, когда взоры всей мыслящей Грузіи, не исключая и самыхъ заходустныхъ уголковъ ея, прикованы къ юбиляру—виновнику сегодняшняго торжества грузинской культуры, мнѣ, связанному съ нимъ узами тѣсной дружбы, хочется сказать ему нѣсколько привѣтственныхъ словъ и присоединить, такимъ образомъ, свой слабый голосъ къ общему хору восторженныхъ изліяній.

Помню, мнѣ было 8 лѣтъ, когда я впервые прочелъ его аллегорическую сказку „Алекстѣй“, посвященную авторомъ своему сыну. Восхищенію моему не было предѣла.

Случилось мнѣ въ томъ 1878 году быть въ день мцхетскаго праздника въ Анчалахъ въ гостяхъ въ популярной семьѣ О. А. Гурамовой, супруги Николая Яковлевича Николадзе.

Среда гостей я замѣтилъ очень красивое лицо. Оно сразу приковало мое вниманіе. Я спросилъ объ его имени. Мнѣ отвѣтили: „Это поэтъ Акакій!“

Надо было видѣть, какое магическое вліяніе оказало на меня произнесеніе этого грохочаго и популярнаго имени.

Я пришелъ въ экстазъ.

Я сохранилъ Акакія, самого автора только что прочитанной и восхитившей меня поэмь—сказки.

Не знаю, сколько времени продолжалось бы это созерцаніе, по меня ослѣпила одна мысль. Я подбѣжалъ къ теткѣ моей Н. Д. Фристовой, взялъ у нея деньги и купилъ на станціи „акидо“—большую гроздь винограда и провондесъ Акакію со словами: „Это нашему дорогому поэту!“

Пораженный неожиданнымъ подношеніемъ, Акакій расцѣловалъ меня. Узнавъ, кто я, онъ сталъ спрашивать объ „отцѣ моемъ, съ которымъ, какъ оказалось, онъ дружилъ.“

Вослѣдствіи онъ не разъ говорилъ объ этомъ фактѣ и даже писалъ по своему пути, что онъ никогда не удастивался болѣе цѣннаго говора, какой получилъ отъ восьмилѣтняго мальчугана.

Такъ началась наша дружба, окрашенная, конечно, съ моей стороны, всегда въ яркій цвѣтъ восторга, зародившагося въ зеленые дни моего дѣтства и ничуть не слабѣющаго даже теперь, когда я дожилъ до сѣдинъ.

Изнемогла ова въ борьбѣ,—

Но вновь окрѣпветъ на покоѣ;
Отчаянье въ ея судьбѣ
Есть заблужденіе роковое.

И сердце чувствуетъ въ груди,
И вѣрять умъ, что волея Бога
Еще надолго впереди
Открыта въ мірѣ ей дорога.

Мы лишены ея дарствъ,
Но все же ей мы не измѣнимъ.
Могучій, гордый духъ отцовъ
Мы хоть терпѣніемъ замѣнимъ.

Пушай она насъ разоритъ
И пуститъ по міру съ сумою:
Кто честность нищаго сравнитъ
Со всей Іудиной казною?
О вѣтъ! Не умерла она!
Она лишь спитъ и вновь проснется—
И тѣхъ прославитъ имена,
Чье сердце къ ней учащемъ бьется.

IV.
Пѣснь объ Амиранѣ.
(Переводъ В. Величко).

Къ недоступной вершинѣ Кавказа сѣдова
Богатырь Амиранъ сонмомъ злобныхъ богъ
Былъ прикованъ за то, что для рода
людовскаго
Онъ похитилъ огонь изъ лазурныхъ
краевъ.

Хищнымъ клювомъ орлы грудь титана
терзали
И изъ сердца его пили теллую кровь,
Ждалъ оль смерти,—но вмязгъ раны
вновь заживали,
Оживалъ богатырь, чтобы мучиться
вновь...

Безъ упрековъ и слезъ, малодушныхъ
стенаній,
Все безмолвно сносилъ онъ и гордъ, и
срочивъ,
И чела не склонилъ онъ предъ игомъ
страданій,
Не призывалъ онъ неправедной власти
враговъ!

Улыбка та—привѣтъ младого поколѣнья,

Свободой лири дая довѣрія и любви!
Не промѣнялъ-бы я на всѣ богатства
міра
Улыбку, свѣтлую владычицу мою.
Вдохновлена, сильна улыбкой этой лира:
О ней потомству я восторженно дою!

III.
Большая.
(Переводъ И. Тгоржевскаго).

О вѣтъ! Не умерла она:
Она лишь спитъ и вновь проснется;
Кто ей вавѣкъ желаетъ сна,
Тотъ смерти самъ скорѣй дождется!

Улыбка та—привѣтъ младого поколѣнья,

Свободой лири дая довѣрія и любви!
Не промѣнялъ-бы я на всѣ богатства
міра
Улыбку, свѣтлую владычицу мою.
Вдохновлена, сильна улыбкой этой лира:
О ней потомству я восторженно дою!

Улыбка та—привѣтъ младого поколѣнья,

Свободой лири дая довѣрія и любви!
Не промѣнялъ-бы я на всѣ богатства
міра
Улыбку, свѣтлую владычицу мою.
Вдохновлена, сильна улыбкой этой лира:
О ней потомству я восторженно дою!

Улыбка та—привѣтъ младого поколѣнья,

Свободой лири дая довѣрія и любви!
Не промѣнялъ-бы я на всѣ богатства
міра
Улыбку, свѣтлую владычицу мою.
Вдохновлена, сильна улыбкой этой лира:
О ней потомству я восторженно дою!

Улыбка та—привѣтъ младого поколѣнья,

Свободой лири дая довѣрія и любви!
Не промѣнялъ-бы я на всѣ богатства
міра
Улыбку, свѣтлую владычицу мою.
Вдохновлена, сильна улыбкой этой лира:
О ней потомству я восторженно дою!

Улыбка та—привѣтъ младого поколѣнья,

Свободой лири дая довѣрія и любви!
Не промѣнялъ-бы я на всѣ богатства
міра
Улыбку, свѣтлую владычицу мою.
Вдохновлена, сильна улыбкой этой лира:
О ней потомству я восторженно дою!

Улыбка та—привѣтъ младого поколѣнья,

Свободой лири дая довѣрія и любви!
Не промѣнялъ-бы я на всѣ богатства
міра
Улыбку, свѣтлую владычицу мою.
Вдохновлена, сильна улыбкой этой лира:
О ней потомству я восторженно дою!

Улыбка та—привѣтъ младого поколѣнья,

Свободой лири дая довѣрія и любви!
Не промѣнялъ-бы я на всѣ богатства
міра
Улыбку, свѣтлую владычицу мою.
Вдохновлена, сильна улыбкой этой лира:
О ней потомству я восторженно дою!

Улыбка та—привѣтъ младого поколѣнья,

Свободой лири дая довѣрія и любви!
Не промѣнялъ-бы я на всѣ богатства
міра
Улыбку, свѣтлую владычицу мою.
Вдохновлена, сильна улыбкой этой лира:
О ней потомству я восторженно дою!

и жезая всей душой дорогому баяну пламенной Колхиды долгоденствія на славу родной ему литературы, я предлагаю русскому обществу почтить имя одного изъ лучшихъ сыновъ родной намъ Грузіи изданіемъ полнаго собранія сочиненій Акакія Ростомовича Церетели на русскомъ языкѣ. Это будетъ лучший подарокъ маститому высоко-талантливому писателю Иверія отъ родного русскаго общества.

С. Любомировъ.

Привѣтъ великому поэту.

Въ тотъ моментъ, когда взоры всей мыслящей Грузіи, не исключая и самыхъ заходустныхъ уголковъ ея, прикованы къ юбиляру—виновнику сегодняшняго торжества грузинской культуры, мнѣ, связанному съ нимъ узами тѣсной дружбы, хочется сказать ему нѣсколько привѣтственныхъ словъ и присоединить, такимъ образомъ, свой слабый голосъ къ общему хору восторженныхъ изліяній.

Помню, мнѣ было 8 лѣтъ, когда я впервые прочелъ его аллегорическую сказку „Алекстѣй“, посвященную авторомъ своему сыну. Восхищенію моему не было предѣла.

Случилось мнѣ въ томъ 1878 году быть въ день мцхетскаго праздника въ Анчалахъ въ гостяхъ въ популярной семьѣ О. А. Гурамовой, супруги Николая Яковлевича Николадзе.

Среда гостей я замѣтилъ очень красивое лицо. Оно сразу приковало мое вниманіе. Я спросилъ объ его имени. Мнѣ отвѣтили: „Это поэтъ Акакій!“

Надо было видѣть, какое магическое вліяніе оказало на меня произнесеніе этого грохочаго и популярнаго имени.

Я пришелъ въ экстазъ.

Я сохранилъ Акакія, самого автора только что прочитанной и восхитившей меня поэмь—сказки.

Не знаю, сколько времени продолжалось бы это созерцаніе, по меня ослѣпила одна мысль. Я подбѣжалъ къ теткѣ моей Н. Д. Фристовой, взялъ у нея деньги и купилъ на станціи „акидо“—большую гроздь винограда и провондесъ Акакію со словами: „Это нашему дорогому поэту!“

Пораженный неожиданнымъ подношеніемъ, Акакій расцѣловалъ меня. Узнавъ, кто я, онъ сталъ спрашивать объ „отцѣ моемъ, съ которымъ, какъ оказалось, онъ дружилъ.“

Вослѣдствіи онъ не разъ говорилъ объ этомъ фактѣ и даже писалъ по своему пути, что онъ никогда не удастивался болѣе цѣннаго говора, какой получилъ отъ восьмилѣтняго мальчугана.

Такъ началась наша дружба, окрашенная, конечно, съ моей стороны, всегда въ яркій цвѣтъ восторга, зародившагося въ зеленые дни моего дѣтства и ничуть не слабѣющаго даже теперь, когда я дожилъ до сѣдинъ.

Изнемогла ова въ борьбѣ,—

Но вновь окрѣпветъ на покоѣ;
Отчаянье въ ея судьбѣ
Есть заблужденіе роковое.

И сердце чувствуетъ въ груди,
И вѣрять умъ, что волея Бога
Еще надолго впереди
Открыта въ мірѣ ей дорога.

Мы лишены ея дарствъ,
Но все же ей мы не измѣнимъ.
Могучій, гордый духъ отцовъ
Мы хоть терпѣніемъ замѣнимъ.

Пушай она насъ разоритъ
И пуститъ по міру съ сумою:
Кто честность нищаго сравнитъ
Со всей Іудиной казною?
О вѣтъ! Не умерла она!
Она лишь спитъ и вновь проснется—
И тѣхъ прославитъ имена,
Чье сердце къ ней учащемъ бьется.

IV.
Пѣснь объ Амиранѣ.
(Переводъ В. Величко).

Къ недоступной вершинѣ Кавказа сѣдова
Богатырь Амиранъ сонмомъ злобныхъ богъ
Былъ прикованъ за то, что для рода
людовскаго
Онъ похитилъ огонь изъ лазурныхъ
краевъ.

Хищнымъ клювомъ орлы грудь титана
терзали
И изъ сердца его пили теллую кровь,
Ждалъ оль смерти,—но вмязгъ раны
вновь заживали,
Оживалъ богатырь, чтобы мучиться
вновь...

Безъ упрековъ и слезъ, малодушныхъ
стенаній,
Все безмолвно сносилъ онъ и гордъ, и
срочивъ,
И чела не склонилъ онъ предъ игомъ
страданій,
Не призывалъ онъ неправедной власти
враговъ!

Улыбка та—привѣтъ младого поколѣнья,

Свободой лири дая довѣрія и любви!
Не промѣнялъ-бы я на всѣ богатства
міра
Улыбку, свѣтлую владычицу мою.
Вдохновлена, сильна улыбкой этой лира:
О ней потомству я восторженно дою!

III.
Большая.
(Переводъ И. Тгоржевскаго).

О вѣтъ! Не умерла она:
Она лишь спитъ и вновь проснется;
Кто ей вавѣкъ желаетъ сна,
Тотъ смерти самъ скорѣй дождется!

Улыбка та—привѣтъ младого поколѣнья,

Свободой лири дая довѣрія и любви!
Не промѣнялъ-бы я на всѣ богатства
міра
Улыбку, свѣтлую владычицу мою.
Вдохновлена, сильна улыбкой этой лира:
О ней потомству я восторженно дою!

Улыбка та—привѣтъ младого поколѣнья,

Свободой лири дая довѣрія и любви!
Не промѣнялъ-бы я на всѣ богатства
міра
Улыбку, свѣтлую владычицу мою.
Вдохновлена, сильна улыбкой этой лира:
О ней потомству я восторженно дою!

Улыбка та—привѣтъ младого поколѣнья,

Свободой лири дая довѣрія и любви!
Не промѣнялъ-бы я на всѣ богатства
міра
Улыбку, свѣтлую владычицу мою.
Вдохновлена, сильна улыбкой этой лира:
О ней потомству я восторженно дою!

Улыбка та—привѣтъ младого поколѣнья,

Свободой лири дая довѣрія и любви!
Не промѣнялъ-бы я на всѣ богатства
міра
Улыбку, свѣтлую владычицу мою.
Вдохновлена, сильна улыбкой этой лира:
О ней потомству я восторженно дою!

Улыбка та—привѣтъ младого поколѣнья,

Свободой лири дая довѣрія и любви!
Не промѣнялъ-бы я на всѣ богатства
міра
Улыбку, свѣтлую владычицу мою.
Вдохновлена, сильна улыбкой этой лира:
О ней потомству я восторженно дою!

Улыбка та—привѣтъ младого поколѣнья,

Свободой лири дая довѣрія и любви!
Не промѣнялъ-бы я на всѣ богатства
міра
Улыбку, свѣтлую владычицу мою.
Вдохновлена, сильна улыбкой этой лира:
О ней потомству я восторженно дою!

Улыбка та—привѣтъ младого поколѣнья,

Свободой лири дая довѣрія и любви!
Не промѣнялъ-бы я на всѣ богатства
міра
Улыбку, свѣтлую владычицу мою.
Вдохновлена, сильна улыбкой этой лира:
О ней потомству я восторженно дою!

Улыбка та—привѣтъ младого поколѣнья,

Свободой лири дая довѣрія и любви!
Не промѣнялъ-бы я на всѣ богатства
міра
Улыбку, свѣтлую владычицу мою.
Вдохновлена, сильна улыбкой этой лира:
О ней потомству я восторженно дою!

Улыбка та—привѣтъ младого поколѣнья,

Свободой лири дая довѣрія и любви!
Не промѣнялъ-бы я на всѣ богатства
міра
Улыбку, свѣтлую владычицу мою.
Вдохновлена, сильна улыбкой этой лира:
О ней потомству я восторженно дою!

Улыбка та—привѣтъ младого поколѣнья,

Свободой лири дая довѣрія и любви!
Не промѣнялъ-бы я на всѣ богатства
міра
Улыбку, свѣтлую владычицу мою.
Вдохновлена, сильна улыбкой этой лира:
О ней потомству я восторженно дою!

Улыбка та—привѣтъ младого поколѣнья,

Свободой лири дая довѣрія и любви!
Не промѣнялъ-бы я на всѣ богатства
міра
Улыбку, свѣтлую владычицу мою.
Вдохновлена, сильна улыбкой этой лира:
О ней потомству я восторженно дою!

Улыбка та—привѣтъ младого поколѣнья,

Свободой лири дая довѣрія и любви!
Не промѣнялъ-бы я на всѣ богатства
міра
Улыбку, свѣтлую владычицу мою.
Вдохновлена, сильна улыбкой этой лира:
О ней потомству я восторженно дою!

Недаромъ Акакій всегда привѣтствовалъ молодежь.

Вспомнимъ:
„Улыбка та—привѣтъ младого поколѣнья,
Свободой лири дая довѣрія и любви!“

Но кому, какъ не ему, безсмертному юбиляру, должна улыбаться всегда чуткая, отзывчивая на все прекрасное, молодежь и отдавать дань довѣрія и любви—ему, лира котораго всегда цѣла гимнъ любви.

Развѣ не это великое моральное начало внушаетъ Акакію въ упонительно-прекрасныхъ вѣчныхъ стихахъ, полныхъ глубокаго лиризма, обратиться къ гению Руставели повѣдать ему, поэту нашихъ дней, тайну своей творческой силы, чтобы сдѣлаться ему пѣвцомъ народныхъ?..

Не тоже-ли вѣчное начало руководить поэтомъ, когда онъ проныкливо допытывается познать отъ небесныхъ свѣтилъ силу, связывающую ихъ въ столь дивную гармонию?..

Здѣсь въ этихъ двухъ стремленіяхъ великаго духа безсмертнаго Акакія чую я всю чарующую прелесть его доброго, чуткаго сердца, любвеобильнаго, вполне сознающаго, что счастье его „родины—сиротки“ возможно лишь въ уравнившейся, симфонической комбинаціи стремленій народовъ всего міра, свободно, безъ всякаго принужденія, вносящихъ свою лепту въ сокровищницу мировой разнообразно расцвѣтшей общечеловѣческой культуры.

Эта всечеловѣчность поэта, его всепокоряющая любовь дѣлаетъ его всеобщимъ любимцемъ.

И въ этотъ великій день праздника любви и красоты многія чужія народности, откликнувшись на зовъ, несутъ свою благородную дань уваженія великому писателю маленькаго грузинскаго народа.

Въ этомъ всеобщемъ ликованіи нельзя не видѣть того же великаго начала, руководящаго незамѣтно для нихъ народами всего свѣта.

Такова, надо думать, всеобщающая сила стремленій духа.

И хочется вѣрить, что не за горами то свѣтлое время, когда то единственно прекрасное начало любви и солидарности будетъ и единственной базой прочнаго людскаго общежитія.

Такъ привѣтъ же тебѣ, дорогой Акакій!

Григорій Диасамидзе.

Привѣтъ великому поэту.

Въ тотъ моментъ, когда взоры всей мыслящей Грузіи, не исключая и самыхъ заходустныхъ уголковъ ея, прикованы къ юбиляру—виновнику сегодняшняго торжества грузинской культуры, мнѣ, связанному съ нимъ узами тѣсной дружбы, хочется сказать ему нѣсколько привѣтственныхъ словъ и присоединить, такимъ образомъ, свой слабый голосъ къ общему хору восторженныхъ изліяній.

Помню, мнѣ было 8 лѣтъ, когда я впервые прочелъ его аллегорическую сказку „Алекстѣй“, посвященную авторомъ своему сыну. Восхищенію моему не было предѣла.

Случилось мнѣ въ томъ 1878 году быть въ день мцхетскаго праздника въ Анчалахъ въ гостяхъ въ популярной семьѣ О. А. Гурамовой, супруги Николая Яковлевича Николадзе.

Среда гостей я замѣтилъ очень красивое лицо. Оно сразу приковало мое вниманіе. Я спросилъ объ его имени. Мнѣ отвѣтили: „Это поэтъ Акакій!“

Надо было видѣть, какое магическое вліяніе оказало на меня произнесеніе этого грохочаго и популярнаго имени.

Я пришелъ въ экстазъ.

Я сохранилъ Акакія, самого автора только что прочитанной и восхитившей меня поэмь—сказки.

Не знаю, сколько времени продолжалось бы это созерцаніе, по меня ослѣпила одна мысль. Я подбѣжалъ къ теткѣ моей Н. Д. Фристовой, взялъ у нея деньги и купилъ на станціи „акидо“—большую гроздь винограда и провондесъ Акакію со словами: „Это нашему дорогому поэту!“

Пораженный неожиданнымъ подношеніемъ, Акакій расцѣловалъ меня. Узнавъ, кто я, онъ сталъ спрашивать объ „отцѣ моемъ, съ которымъ, какъ оказалось, онъ дружилъ.“

Вослѣдствіи онъ не разъ говорилъ объ этомъ фактѣ и даже писалъ по своему пути, что онъ никогда не удастивался болѣе цѣннаго говора, какой получилъ отъ восьмилѣтняго мальчугана.

Такъ началась наша дружба, окрашенная, конечно, съ моей стороны, всегда въ яркій цвѣтъ восторга, зародившагося въ зеленые дни моего дѣтства и ничуть не слабѣющаго даже теперь, когда я дожилъ до сѣдинъ.

Изнемогла ова въ борьбѣ,—

Но вновь окрѣпветъ на покоѣ;
Отчаянье въ ея судьбѣ
Есть заблужденіе роковое.

И сердце чувствуетъ въ груди,
И вѣрять умъ, что волея Бога
Еще надолго впереди
Открыта въ мірѣ ей дорога.

Мы лишены ея дарствъ,
Но все же ей мы не измѣнимъ.
Могучій, гордый духъ отцовъ
Мы хоть терпѣніемъ замѣнимъ.

Пушай она насъ разоритъ
И пуститъ по міру съ сумою:
Кто честность нищаго сравнитъ
Со всей Іудиной казною?
О вѣтъ! Не умерла она!
Она лишь спитъ и вновь проснется—
И тѣхъ прославитъ имена,
Чье сердце къ ней учащемъ бьется.

IV.
Пѣснь объ Амиранѣ.
(Переводъ В. Величко).

Къ недоступной вершинѣ Кавказа сѣдова
Богатырь Амиранъ сонмомъ злобныхъ богъ
Былъ прикованъ за то, что для рода
людовскаго
Онъ похитилъ огонь изъ лазурныхъ
краевъ.

Хищнымъ клювомъ орлы грудь титана
терзали
И изъ сердца его пили теллую кровь,
Ждалъ оль смерти,—но вмязгъ раны
вновь заживали,
Оживалъ богатырь, чтобы мучиться
вновь...

Безъ упрековъ и слезъ, малодушныхъ
стенаній,
Все безмолвно сносилъ онъ и гордъ, и
срочивъ,
И чела не склонилъ онъ предъ игомъ
страданій,
Не призывалъ онъ неправедной власти
враговъ!

Улыбка та—привѣтъ младого поколѣнья,

Свободой лири дая довѣрія и любви!
Не промѣнялъ-бы я на всѣ богатства
міра
Улыбку, свѣтлую владычицу мою.
Вдохновлена, сильна улыбкой этой лира:
О ней потомству я восторженно дою!

III.
Большая.
(Переводъ И. Тгоржевскаго).

О вѣтъ! Не умерла она:
Она лишь спитъ и вновь проснется;
Кто ей вавѣкъ желаетъ сна,
Тотъ смерти самъ скорѣй дождется!

Улыбка та—привѣтъ младого поколѣнья,

Свободой лири дая довѣрія и любви!
Не промѣнялъ-бы я на всѣ богатства
міра
Улыбку, свѣтлую владычицу мою.
Вдохновлена, сильна улыбкой этой лира:
О ней потомству я восторженно дою!

Улыбка та—привѣтъ младого поколѣнья,

Свободой лири дая довѣрія и любви!
Не промѣнялъ-бы я на всѣ богатства
міра
Улыбку, свѣтлую владычицу мою.
Вдохновлена, сильна улыбкой этой лира:
О ней потомству я восторженно дою!

Улыбка та—привѣтъ младого поколѣнья,

Свободой

ბარონ შტაინ

И. Ананій Ростомович Церетели. (Вместо биографии).

Январь. Мой соотечественник Хотелъ всегда чувствовать дорогихъ ему поэтовъ около своего сердца.

Долго потомъ думалъ я надъ тѣмъ вопросомъ, какимъ образомъ приобретаютъ писатели и поэты это, по моему мнѣнію, самое почетное въ мірѣ мѣсто—близъ сердца простыхъ рабочихъ людей.

Долго думалъ я о томъ, почему образованная часть нашего грузинскаго общества цѣнитъ своего поэта Ананіа Церетели меньше, чѣмъ простой малограмотный народъ, и единственное объясненіе этому явленію находилъ въ томъ обстоятельстве, что интеллигенція есть классъ привилегированныхъ и потому судьбой избалованныхъ людей. Онъ цѣнитъ только тѣхъ писателей и поэтовъ, которые сложнымъ языкомъ изображаютъ ему сложныя душевныя движенія челоѣка.

Поэтъ нашъ потому и дорогъ сердцу народному, что онъ сумѣлъ озарить золотыми лучами своей поэзіи его тяжелый, повседневный трудъ. Онъ сумѣлъ разбудить въ немъ челоѣческое достоинство, вѣру въ живую, творческую силу земледѣльца, сумѣлъ приподнять, духовно возвысить крестьянина-жнеца, одухотворить его своей любовью къ его полезному, глубоко серьезному и важному труду.

Стихотвореніе „Пѣсьнъ жнецовъ“ полно движенія и жизни, потому, что поэтъ сумѣлъ перенестись въ душу жнецовъ, сумѣлъ проникнуть въ энергичную, бьющую ключомъ въ крѣпкомъ, закаленномъ въ ежедневной борьбѣ съ природой тѣлѣ земледѣльца.

Онъ сумѣлъ заразить читателя бодрой, живой энергіей физическаго земледѣльческаго труда и показать въ этомъ трудѣ источникъ духовной бодрости и силы.

Стихотвореніе это, высоко цѣнное народомъ, должно въ то же самое время, по моему глубокому убѣжденію, быть всегда настоящимъ стихотвореніемъ каждаго интеллигентнаго челоѣка, столь неподвижнаго и драхлаго въ своемъ творествѣ и жизни.

Ананій на краю гибели.

(Горькое воспоминаніе).

Больше молчать не могу. 26 лѣтъ хранилъ я въ тайникахъ своей души тотъ ужасный случай, одно воспоминаніе о которомъ и теперь леденитъ мою кровь.

25 сентября 1882 года, Ананій утреннимъ побѣдомъ прибылъ изъ Имеріи въ Тифлисъ и остановился въ 4 номерѣ гостиницы „Иверія“, находящейся на углу Елизаветинской и Песковской улицъ. Его содержали братья Леванъ и Давидъ Орачелашвили. Рядомъ—въ 5-мъ номерѣ жилъ я, по соседству же со мною жили Барнабъ Немсадзе и Викторъ Дежава.

Всѣ мы, обожавшіе талантъ Ананіа, засидѣлись у него до 12 часовъ ночи и наслаждались его остроумною рѣчью. Затѣмъ пожелавъ ему спокойной ночи, отправился къ себѣ.

Подъ впечатлѣніемъ дня, я не могъ заснуть и продолжалъ, подумавъ на своей

терыхъ дали Грузіи ряды благородныхъ, образованныхъ сыновъ.

50 ЛѢТЬ въ смѣлымъ перомъ народнаго поэта, какъ хирургъ дантистомъ вскрывали язы своего народа и своей позавіей оздоравливали его.

50 ЛѢТЬ въ лироу поэзіи будила народъ свой отъ будней жизни, которые такъ томительны, скучны и однообразны.

50 ЛѢТЬ жизни и труда въ безыерство отдали служенію людямъ, пробуждая своимъ яркимъ талантомъ все лучшее что заложено въ души, сердцахъ и умѣ каждаго челоѣка.

50 ЛѢТЬ въ пѣснями своими одухотворили жизнь людей и воспитывали ихъ эстетическое чувство.

50 ЛѢТЬ алтарь вашего вдохновеннаго творчества горитъ яркимъ пламенемъ, согреваетъ души людей и является источникомъ свѣта, истины, добра и любви къ ближнему.

50 ЛѢТЬ ваше сердце, согрѣтое любовью къ людямъ, воспѣвало въ строкахъ вашихъ народныхъ скорби, муки и радости и въ этихъ отзвукахъ слышалась всегда больная нотка страданія за родную Грузію.

50 ЛѢТЬ вы какъ орелъ парите надъ Грузіей въ облакахъ своей идеальной—чистой поэзіи, и къ вамъ устремлены сегодня всѣ взоры искренно-привѣтующихъ и любящихъ васъ, какъ къ яркому прекрасному солнцу.

50 ЛѢТЬ ваше имя горитъ яркимъ блескомъ на страницахъ исторіи грузинскаго народа и окруженное ореоломъ славы, даетъ всѣ права на бессмертіе.

50 ЛѢТЬ создали имени грузинскаго поэта Ананіа Церетели вѣчность въ памяти народа.

Ал. Баронъ-Штаинъ.

МАЛЕНЬКІЙ ФЕЛЬЕТОНЪ

Сонъ Ананіа.

Ананію снится дивный сонъ...

Израненное сердце поэта бьется и замираетъ томительно и радостно...

Видитъ Ананій себя на высокой-высокой горѣ и не чувствуетъ обиды и насмѣшекъ, пресѣдовавшихъ его, когда онъ гордо шелъ къ намѣченной цѣли.

Теперь онъ на самой вершинѣ и южное родное солнце освѣщаетъ его сѣдую голову, окружая сияніемъ...

Орлиный взглядъ его глазъ гордо смотритъ съ сіяніемъ созвца и, пронизывая его устремляется прямо въ небо.

Восторженно встрѣчая его киваютъ головами съ леринивъ сосѣднихъ горъ кортеи литературы—друзья и товарищи. „Ананій! тебѣ привѣтствуетъ вся наша семья“.

Взглянулъ Ананій внизъ на равнину и услышалъ привѣтствіе родного народа.

— Ананій, привѣтвую тебѣ—говоритъ мальчикъ торопясь въ школу, ты открылъ мнѣ сладосте знанія.

Благодарю тебѣ, Ананій—говоритъ пахарь, пѣя за плугомъ,—ты усладилъ памъ тяжкій трудъ.

И продолжая идти за сохой крестьянинъ заплѣлъ народные пѣсни Ананіа.

— Да благословитъ тебѣ Богъ—благодаритъ ниная старушка прохожаго за подаваніе—

— Благодари и благослови Ананіа, онъ дивнымъ языкомъ своимъ раскрылъ намъ картину твоихъ ужасныхъ бѣдствій и растопилъ наши черствыя сердца...

—Благослови Ананіа, говоритъ разбойникъ своей жертвѣ, отпуская ее живымъ, онъ смятилъ мое сердце способное прежде на всякія злодѣнія.

— Помнишь, шепчетъ невѣста-женуху, ты впервые объяснилъ мнѣ въ любви, когда мы читали стихи Ананіа и ты говорилъ, что только благодаря имъ осмѣлился выговорить слова любви.

— Да, я не могъ больше себя сдерживать, онъ такъ давно воспѣваетъ любовь—знаешь, что, въ честь Ананіа мы назовемъ нашего первенца его именемъ—Согласна?..

— Хорошо, соглашается чуть слышно, застыдившаяся невѣста...

— Привѣтствую тебѣ защежалъ соловой садясь на дерево—ты близкій природѣ сумѣлъ передать и объяснить людямъ смыслъ моихъ пѣсень, всѣ неудовимые отгнѣки моихъ трелей—привѣтствую тебѣ!

Привѣтствуемъ тебѣ, заплѣли цвѣты,—ты восбилъ нашъ нѣжный запахъ и нашу красоту...

И этому привѣтствію вторила вся природа. Гулъ привѣтствій разбудилъ Ананіа и все что онъ видѣлъ во снѣ, увидѣлъ наяву.

Привѣтствую тебѣ бессмертный поэтъ родной земли и я скромный труженникъ пера.

И. Д.—аравъ.

духъ и народъ полюбилиъ Васъ: онъ распѣваетъ наши пѣсни. Онъ сегодня искренне чувствуетъ нашу людскую службу Поволжье и мнѣ лично, какъ старому литератору, присоединить свой слабый голосъ къ этому единодушному, дружному хору привѣтствій, которые Вы стоить заслужили. Желаю вамъ личной вдохновенной музѣ еще долго бодрствовать во славу своей родины."

Чествованіе еврейскою общиною юбилея Ананіа Церетели.

Въ четвертъ 4-го декабря въ помѣщеніи школы еврейскаго благотворительнаго общества было назначено собраніе комитета общества при участіи представителей синагогальнаго правленія для ршенія вопроса о принатіи еврейскою общиною участія въ торжественномъ праздникѣ грузинъ—юбилея народнаго пѣвца—поэта.

Предложеніе съ готовностью было единогласно принято и делегатами отъ евреевъ, живущихъ въ Тифлисъ избраны: тифлискій казенный раввинъ г. Я. Левинъ и г. Наумъ Сидоровичъ Розенфельдъ.

Во время обмѣна мнѣніями по данному вопросу было высказано сожалѣніе о томъ, что евреи совершенно незнакомы съ творчествомъ грузинскаго поэта Ананіа Церетели вслѣдствіе отсутствія въ переводѣ его произведеній; но считается съ тѣмъ, что еврейскій народъ всегда шелъ въ авангардѣ прогресса мысли и съ одинаковою любовью, независимо отъ національности, чтитъ носителей культурныхъ цѣнностей, еврейская община съ радостью принимаетъ участіе въ праздникѣ своихъ добрыхъ сосѣдей—грузинъ и въ лицѣ маститаго юбиляра Ананіа Церетели высказываетъ лучшія пожеланія всему грузинскому народу.

Prima.

Дань сердца Ананію.

Прелестная, чудная Кахетія...

Я въ школѣ...

Волшебная поэзія Ананіа плѣняетъ мое воображеніе...

Изучаю наизусть его стихи и распѣваю съ крестьянскими мальчишками.

Многоязычная и многострадавшая бывшая столица Грузіи—Тифлисъ...

Умъ мой плѣняется высоко—гуманныя идеи шестидесятниковъ. Разсудокъ въ плѣну у Писарева и др., но сердце не измѣняется. Ананію...

Кавказская Ница—Сухумъ... Я юлоша... влюбленъ... гадити, море, мечты... поэзія Ананіа... Подуваю только что издавны тамъ стихотворенія Ананіа... Восторгъ...

Полюба—Россія... Я возмужаю... Служба... Кутежи, базы, вечера, но вездѣ скупа, всюду фальшь...

Тоска по родинѣ... Утѣшеніе въ чтеніи твореній Ананіа. Переживаніе мною горя и радости нашей „Большой“.

Весна... Невнясно... Тяплетъ къ „Большой“... Бросаю все... Лену... Хочу услужить ей, чѣмъ могу... Ранняя неожиданная осень, а засимъ и суровая зима—уничтожили всѣ мечты.

Полное разочарованіе въ личной и общественной жизни.

Заговорили о юбилеѣ... Не все еще конечно, подумаю я... Чувствую опять въ себѣ потокъ силъ и энергіи!.. Вѣрю снова въ свою работу!.. „Ваша“ тебѣ, дорогой поэтъ!.. Радуйся, „Большая“ выздоравливаетъ благодаря пѣснямъ твоей „Чонгуры“ и „Саламури“!.. Радуйся вѣчно юный старецъ!.. Не умрешь, какъ не умреть и твоя возлюбленная!..

По Кавказу.

Сел. Сагаредже (Кахетія.) На собраніи представителей окрестныхъ селеній постановили: отслужить молебень въ присутствіи жителей окрестныхъ селеній. Послѣ молебни устроить литературное утро въ помѣщеніи школы, а вечеромъ устроить чтеніе, поставить живыя картины изъ произведеній Ананіа и пр. Депутатами для участія въ тифл. торжествахъ выбраны И. Квалиашвили и 3 крестьянина Н. Гаделадае, И. Маисурадае и Я. Джапаридзе.

Полвѣка—Вѣчность,

(Посвящ. грузинскому поэту Ананію Церетели въ день 50-лѣтняго юбилея 7 декабря 1908 г.)

Сегодня исполнилось 50 лѣтъ вашей неутомимой творческой литературной дѣятельности.

Полвѣка вы посвятили служенію народной поэзіи.

50 ЛѢТЬ вы самоотверженно трудились надъ созданіемъ своихъ вдохновенныхъ страницъ, насаждая прогрессъ, цивилизацію и культуру родного края.

50 ЛѢТЬ вы съяли на народной нивѣ, тѣ сочныя зерна своей поэзіи, всходы ко-

Наконецъ комитетъ просить освободить ихъ для ршенія окончательнаго вопроса.

1) Сократить-ли число членовъ многочисленныхъ депутатій?

2) Отмѣнить-ли вечерній спектакль и продолжать произнесеніе рѣчей и подношеніе адресовъ депутатій и вечеромъ.

3) Какъ поступить въ послѣднемъ случаѣ съ тѣми лицами, которые купили билеты въ театръ?

Испросили публику раловѣть и притти за билетами въ три часа дня.

Всѣхъ депутатій насчитывается до 200. Число членовъ депутатіи доходить до 1000 челоѣвъ.

Нѣкоторыя депутатіи какъ, напримеръ, отъ сачерскихъ крестьянъ состоятъ изъ нѣсколькихъ десятковъ челоѣвъ.

По постановленію главнаго комитета по устройству ананіевскаго юбилейнаго праздника въ настоящее время печатаются сочиненія поэта Ананіа „Кутателисъ сизмари“ (сонъ Кутатели), „Гогія Мелангуре“ и „Нацарекія“, которая въ день юбилея—7-го декабря, будутъ распространяться въ народѣ.

Сегодняшній номеръ иллюстрированнаго журнала „Таразъ“ посвященъ Л. Толстому и Ананію Церетели, по случаю ихъ юбилея. Редакторъ журналовъ „Агбуръ-Таразъ“ Г. Т. Назарянъ, какъ вамъ передаютъ, поднесетъ Ананію Церетели адресъ на армянскомъ языкѣ въ позолоченной папкѣ съ инициалами юбилея.

Вышелъ номеръ дѣтскаго журнала Нанадумъ, прекрасно иллюстрированный и посвященный исключительно поэту Ананію.

Привѣтствіе отъ курсовъ по кавказознанію.

Завѣдывающій высшими курсами по кавказознанію, кн. Г. М. Тумановъ, не имѣя возможности лично присутствовать на юбилеѣ кн. Ананіа Церетели, прислалъ черезъ комитетъ по чествованію юбилея, слѣдующее привѣтствіе:

„Высокочтимый князь Ананій Ростомовичъ! высшіе курсы по кавказознанію горячо привѣтствуютъ васъ, по случаю исполнившагося пятидесятилѣтія вашей плодотворной литературной дѣятельности. Всякій, кто желалъ бы изучитъ Кавказъ и современную грузинскую поэзію, не могъ бы не остановиться съ особенной любовью на вашихъ талантливыхъ произведеніяхъ. Ваша поэзія представляетъ собой чудный букетъ изъ самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ. Нѣтъ такой области литературнаго творчества, гдѣ бы вы не чувствовали себя, какъ дома. Лирика, эпосъ, сатира, юморъ, басня, сказка, легенда, комедія, драма, трагедія, фельетонъ вездѣ вы проявили себя великимъ мастеромъ слова. Вы въ своихъ поэтическихъ произведеніяхъ ярко отражали народный

—Звуча-же пастухамъ, убогимъ дѣтямъ гора!..

VII.

Лебединая пѣснь.

Когда для лебедя мигъ смерти неминуемой Настанеть, онъ поетъ, внезапно вдохновляясь,

И тихо гаснетъ жизнь: ее слышаетъ онъ Съ потокомъ третнихъ, плѣнительныхъ созвучій...

Подъ нимъ-пучина водъ; надъ нимъ свѣтъ твердь...

Свободно летаетъ пѣснь въ просторъ необозримый,

Для міра прелестью полна неизяснимой,

Таинственнымъ звеномъ связуя живыя и смерть...

Сливаясь съ тишиной, какъ съ почью лучъ заката,

Навѣкъ смолкаетъ пѣснь въ чарующей дали.

Сроднившись съ нею, жизнь уходитъ отъ земли.

Восторгомъ незымнымъ и сладостнымъ объята...

О, еслибъ могъ и я, земной кончая путь,

Свободно спѣть свой гимнъ предсмертный, лебединый!

Всю душу въ немъ излить—безъ боли, безъ кручины,

Въ родныхъ созвучьяхъ потаснуть... погонуть!

„Новости Закавказья“

О Б Ъ Я В Л Е Н І Е.

П. С. ДОРОЖНОВЪ

Сололакская ул. д. Гургенова. Телефонъ № 583.

Къ предстоящимъ праздникамъ получено
МАССА ВСЕВОЗМ. НОВОСТЕЙ!!!

— Обращая особое вниманіе —

Новости!! Платя для баловъ и вечеровъ въ заготовленномъ видѣ, послѣднихъ Парижскихъ моделей, Тюлевья съ блестками, и вышитыя по всевозможнымъ изящнымъ шелковымъ тканямъ.

Великолѣпный выборъ суконныхъ товаровъ Русскихъ и заграничныхъ фабрикъ.

Телеграммы

„НОВОСТЕЙ ЗАКАВКАЗЬА“.

(Черезъ с.-петербургское телеграфное агентство).

Государственная Дума

Отъ 5-го декабря.

ПЕТЕРБУРГЪ. Засѣданіе 27-е открыто въ 11 часовъ 20 минутъ. Предсѣдательствуетъ князь Волконскій. Продолжаются пренія по статьѣ второй закона 9-го ноября. Въ ложѣ министровъ предсѣдатель совѣта министровъ, главноуправляющій землеустройствомъ, товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ Лыкошинъ. Пренія попрежнему концентрируются на вопросѣ, какому виду собственности, личной или семейной, слѣдуетъ отдать предпочтеніе. Въ защиту семейной собственности выступаютъ правый Тимошкинъ, умѣренно-правый Поповъ 4-й, октябристъ Фаворскій, трудовикъ Кропотовъ. Въ защиту личной собственности—крестьянинъ октябристъ Александровъ. Большую рѣчь произнесъ графъ Бобринскій 2-й. Во время его рѣчи въ часъ объявленъ перерывъ до 2-хъ часовъ.

Засѣданіе возобновляется въ 2 часа 5 минутъ. Говорить Графъ Бобринскій 2-й.

Сагателянъ заявляетъ, что трудовая группа, протестуя противъ примѣненія элемента насилія, будетъ гонимъ за отклоненіе второй статьи, защищая принципъ семейной собственности (рукописканія слѣва).

Предсѣдатель совѣта министровъ въ качествѣ министра внутреннихъ

дѣлъ выступаетъ въ защиту личной собственности. Рѣчь его приводится дополнительно.

Коваленко 2-й свидѣтельствуетъ, что крестьяне не ничего имѣютъ противъ выдѣленія надѣльныхъ земель въ личную собственность (рукописканія справа). Вносится и принимается предложеніе послѣ четырехъ часовъ не обсуждать наказъ, а продолжать обсужденіе пункта второго указа 9-го ноября. Предложеніе принято. Въ 3 часа 45 минутъ объявленъ перерывъ.

Рѣчь предсѣдателя совѣта министровъ. Господа, члены Думы! Если я считаю необходимымъ дать вамъ объясненіе по отдѣльной статьѣ, по частному вопросу, послѣ того, какъ громадное большинство Думы высказалось за проектъ въ его цѣломъ, то дѣлаю это потому, что придаю этому вопросу коренное значеніе.

Въ основу закона 9-го ноября положена опредѣленная мысль и опредѣленный смыслъ. Мысль эта, очевидно, должна быть проведена по всѣмъ статьямъ закона, выдернуть ее изъ отдѣльной статьи, а тѣмъ болѣе замѣнить ее другой мыслью,—значить, исказить законъ, лишить его руководящей идеи, а смыслъ закона и идея его для всѣхъ ясна.

Насколько нуженъ для переустройства нашего Царства на его крѣпкихъ монархическихъ устояхъ крѣпкій личный собственникъ, насколько онъ является преградой для развитія революціоннаго движенія, видно изъ трудовъ послѣдняго съѣзда социалистовъ-революціонеровъ, бывшаго въ Лондонѣ въ сентябрѣ на-

стоящаго года. Я позволю себѣ привести нѣкоторыя положенія съѣзда. Вотъ, между прочимъ, что онъ постановилъ: правительству, подавивъ попытку открытаго возстанія и захватъ земель въ деревнѣ, поставило себѣ цѣлью расширить крестьянство усиленнымъ насажденіемъ личной частной собственности или хуторскимъ хозяйствомъ. Всякій успѣхъ правительства въ этомъ направленіи наноситъ серьезный ущербъ дѣлу революціи. Съ этой точки зрѣнія современное положеніе деревни, прежде всего, требуетъ со стороны партіи неуклонной критики частной собственности на землю, критики-чуждой компромиссовъ со всякими индивидуалистическими тяготѣніями, поэтому сторонники семейной собственности справа и слева, по моему мнѣнію, алубоко ошибаются.

Нельзя идти на бой, надѣвши на всѣхъ воиновъ броню или заговоривъ ихъ всѣхъ дѣтъ пораненій, нельзя составлять законъ, имѣя въ виду исключительно слабыхъ и немощныхъ. Нѣтъ, въ мировой борьбѣ и соревнованіи народовъ почетное мѣсто могутъ занять только тѣ, которые достигнутъ поднаго напряженія своей матеріальной и нравственной мощи, поэтому всѣ силы законодателя и правительства должны быть обращены къ тому, чтобы поднять производительныя силы единственнаго источника нашего благосостоянія—земли, примѣненіемъ къ ней личного труда и личной собственности, приложеніемъ къ ней всѣхъ, рѣшительно всѣхъ, народныхъ силъ. Необходимо поднять нашу обнищавшую, нашу слабую, нашу истощенную землю, такъ какъ земля—залогъ нашей силы въ будущемъ, земля—это Россія (продолжительныя и шумныя рукоплесканія справа и въ центрѣ).

Засѣданіе возобновляется въ 4 часа 7 мин. Говорятъ Балаклеевъ, Кузинъ, Дмитрюковъ и друг.

Внесено предложеніе объ ограниченіи рѣчей десятью минутами. Осталось 16 ораторовъ. Баллотировкой предложеніе принято. Начинаются объясненія по личному дѣлу.

Предсѣдатель говоритъ: Позвольте доложить, что завтра день тезоименитства Государя Императора. Позвольте отъ имени Думы послать поздравительную телеграмму (голоса: просимъ, просимъ). Шумныя и продолжительныя рукоплесканія). Засѣданіе закрыто въ 3 часа 12 минутъ. Слѣдующее 8-го декабря,

ПЕТЕРБУРГЪ. Военно-окружный судъ по дѣлу Коваленскихъ призналъ корнета Григорія Коваленскаго виновнымъ въ совершеніи противнаго ограждающимъ общественный порядокъ постановленіямъ дѣйствія, послѣдствіемъ коего неожиданно для Коваленскаго было причиненіе тяжелой раны одному лицу и превышеніе предѣловъ необходимой обороны, послѣдствіемъ чего было причиненіе раны одному лицу. Григорій Коваленскій приговоренъ къ аресту на три мѣсяца при гауптвахтѣ безъ ограниченія правъ и преимуществъ по службѣ. Бывшій пажъ Петръ Коваленскій оправданъ. Гражданскимъ истцамъ, за исключеніемъ Недачина, предоставлено право взыскивать убытки въ гражданскомъ судѣ.

Производится въ дѣйствительные тайные совѣтники членъ государственнаго совѣта, статсъ-секретарь баронъ Нольде, съ оставленіемъ членомъ совѣта и въ званіи статсъ-секретаря.

Производятся въ тайные совѣтники: товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ Лыкошнѣвъ; губернаторы: рязанскій Квашининъ, бывшій полтавскій Князевъ; дѣйствительные статскіе совѣтники—киевскій губернаторъ графъ Игнатьевъ, московскій губернский предводитель дворянства Самаринъ, таврическій губернаторъ Новицкнн. Утверждаются въ должностяхъ губернаторовъ: саратовскаго графъ Татищевъ, архангельскаго Сосновскій, курскаго Гильхенъ, херсонскаго Вантышъ, тульскаго Кубеко, семипалтинскаго Троицкнн и иркутскаго Гранъ. Исправляющему должность московскаго губернатора полковнику Джунковскому повелѣно быть московскимъ губернаторомъ съ производствомъ въ генералъ-майоры и съ зачисленіемъ въ свиту Его Величества. Начальнику главнаго управленія неокладныхъ сборовъ сенатору Новицкому повелѣно быть товарищемъ министра финансовъ; саратовскому губернатору Татищеву повелѣно быть въ званіи камергера. Награждаются орденомъ Вѣлаго Орла тамбовскій губернский предводитель дворянства князь Челокоевъ, Владимира 2-й степени курляндскій губернаторъ Князевъ и симбирскій предводитель дворянства Поливановъ. Владимиромъ 3-й степенн—директоръ департамента государственныхъ имуществъ Риттихъ. Анной 1-й степенн кѣлецкій губернаторъ Озеровъ, владимирскій Сазоновъ, калишскій Новосилцовъ и калужскій губернский предводитель дворянства Буличевъ. Высочайшая благодарность съѣвляется губернаторамъ: самарскому Якунину и орловскому Андреевскому.

РИМЪ. Всѣ газеты посвящаютъ иностранныя статьи описанію похоронъ Мураевъева, выражая глубокое сожалѣніе по поводу его кончины. „Итали“, резюмируя отзывы прессы, говорятъ, что похороны были достойны Россіи и Италіи. Все населеніе съ благоговѣніемъ обнажило головы передъ тѣломъ посла великой дружественной націи.

ЛОНДОНЪ. 4-го декабря въ засѣданіи палаты лордовъ статсъ-секретарь по дѣламъ Индіи Морлей далъ подробное разъясненіе о подоженіи дѣлъ въ Индіи и проектируемыхъ реформахъ въ управленіи. Онъ оправдывалъ послѣднія законодательныя мѣры противъ эксцессовъ и указалъ на необходимость подавлять эксцессы. Самые благонамѣренныя люди сдѣлались бы радикалами и непримиримыми противниками правительства, если бы отказались отъ политики реформъ. Морлей заявилъ, что вовсе не стремится къ введенію въ Индіи парламентарной системы: проектируется лишь совдаты, на ряду съ назначенными, выборныхъ членовъ провинціальныхъ выборныхъ совѣтовъ и усилить число совѣтовъ главныхъ провинцій, расширить ихъ компетенцію, измѣнить составъ провинціальныхъ совѣтовъ, состоящихъ въ большинствѣ случаевъ изъ чиновниковъ, замѣщать вакантныя мѣста въ исполнительномъ совѣтѣ вице-короля туземцами. Англія съ достаточными силами, военными и матеріальными, чтобы управлять индійской націей, ей нужна еще сила моральная. Британскій авторитетъ въ Индіи былъ бы прочіе, если бы Англія опиралась на поддержку самихъ индусовъ.